

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР:
ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ.
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ.

*Доклад подготовлен Центром социально-
консервативной политики при содействии
Секретариата ОДКБ*

Москва, 2024

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	5
ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРА	7
ВЫЗОВЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	12
ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРАЗИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	14
НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И РЫНОК ТРУДА.....	18
ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА.....	22
СТРАНЫ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА	23
ПОЗИЦИИ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	23
РАСЧЕТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТАХ. ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ ...	26
ВАЛЮТА БРИКС КАК ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ОСНОВ ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА.....	27
ЭЛИТЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРОУСТРОЙСТВУ	28

Введение

Анализ глобального политического и экономического развития последнего периода свидетельствует о том, что сложившаяся система не отвечает интересам мирового большинства, а силы, претендующие на монополию в определении мироустройства, не справляются с этой задачей. В этой связи международное сообщество сталкивается с вызовом, связанным с необходимостью нахождения эффективных решений накопившихся системных глобальных проблем в условиях формирующегося многополярного мира.

Избежать реализации опасных сценариев глобального экономического, социально-политического и культурного развития мира можно только при создании конкурентной среды для выработки и реализации важнейших глобальных решений. Немаловажным условием также является комплексный и всесторонний учет всех необходимых для сохранения и действительно устойчивого развития человеческой цивилизации факторов — от базовых ценностных до новейших, связанных с современными технологиями, включая бурно и во многом непредсказуемо развивающийся искусственный интеллект.

Сегодня континент Евразия является перспективным пространством для выработки новых, консенсусных правил и механизмов мироустройства. Он включает в себя четыре особенно мощных военно-политических, финансово-экономических и культурно-исторических полюса (центра): Российскую Федерацию, Китай, Индию, Евросоюз, а также три важнейших культурно-цивилизационных центра — арабский, турецкий и иранский. При участии России формируется также все более значимый внутриконтинентальный экономический центр, включающий государства Центральной Азии. Всестороннее партнерство и результативное взаимодействие между этими центрами на основе взаимоуважительного диалога могут стать успешной моделью современного мироустройства, привлекательной для всех стран мира.

В Российской Федерации одним из важнейших интеграционных центров становится Республика Башкортостан. Особый уникальный культурно-ценностный и социально-экономический код региона на стыке Европы и Азии, а также мощных культур Запада и Востока создают необходимые условия для выработки взвешенного и продуманного взгляда на будущее Евразии. Республика, несомненно, является уникальной базой для запуска результативной программы научно-экспертного форсайта с целью получения взвешенной оценки новых идей и перспектив развития Евразийского континента. Полученные результаты — «взгляд из Уфы» — призваны стать одной из основ формирования образа будущего многополярного мира, а столица Башкортостана — постоянно действующим центром выработки смелых и хорошо проработанных решений.

Международные отношения и военно-политические аспекты

Политическое и экономическое устройство современного мира претерпевает значительные изменения. На смену просуществовавшей четыре десятилетия двуполярной глобальной системе и периоду, фактически, единоличного лидерства США и их союзников приходит новый геополитический уклад, основанный на наличии ряда крупных игроков, достаточно влиятельных для того, чтобы сформулировать, а главное — реализовать геополитическое и экономическое устройства того или иного региона и, в конечном итоге, мира.

Как правило, под ведущими центрами силы подразумеваются «старые» полюсы влияния — США и Россия, союзный Вашингтону ЕС, многократно усилившийся за последние десятилетия Китай, Индия, Турция и Иран. Упомянутыми странами и объединениями не исчерпывается перечень игроков, имеющих значительный потенциал для продвижения своей повестки в глобальном масштабе: в Азии, Латинской Америке и Африке есть и другие набирающие силу акторы, но именно упомянутые центры наиболее серьезно влияют на сегодняшний военно-политический и экономический расклад в мире.

Различные центры по-разному утверждаются в качестве таковых и используют для этого доступные им способы. В частности, страны ЕС избрали стратегию интеграции и сложения потенциалов. Китай за сравнительно недолгий срок прошел большой путь от статуса развивающейся страны до передовой державы, обладающей ВВП, сопоставимым с американским. Отчасти этот опыт сегодня стремится повторить Индия. Турция активно распространяет свое военно-политическое влияние на Ближнем Востоке, в Северной Африке, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Иран, несмотря на сохраняющийся режим санкций, вплотную приблизился к «ядерному порогу» и умело управляет «прокси-силами», реализующими его интересы в ближневосточном регионе.

Одна из основных причин формирования многополярности заключается в том, что претензии Вашингтона на гегемонию все менее отвечают его реальным возможностям и явно расходятся с интересами целого ряда стран, стремящихся воспользоваться преимуществами современного мира, такими как глобализация и взрывное развитие технологий. В складывающихся обстоятельствах игнорировать позиции набирающих силу новых держав и объединений объективно уже невозможно.

Иными словами, многополярность также можно описать как перераспределение военно-политических и экономических ресурсов: лидер уходящего однополярного мира — США — их постепенно утрачивает, а усиливающиеся конкуренты Вашингтона наращивают.

Принципиальное отличие многополярного от одно- и двухполярного устройства мира заключается в том, что по причине усиления новых центров возможности влияния на них извне будут снижаться, будет происходить все более четкая «регионализация» военно-политических вопросов. Новые центры смогут более эффективно бороться за независимость от других, даже более влиятельных игроков, и за возможность проводить собственную политику. Эти процессы уже происходят, однако в настоящее время они лишь набирают обороты, открывая для всех участников как дополнительные возможности, так и, безусловно, создавая новые вызовы.

Сама по себе многополярность не может рассматриваться ни как гарантия мира и гармонии, ни как причина эскалации конфликтов. Прежние модели международного устройства, которые называют многополярными, не предотвратили крупнейших военных конфликтов, в том числе обеих мировых войн. Этот исторический опыт, несомненно, требует учета при осмыслении и конструировании институтов многополярного мира. При этом, как показывает опыт, нарастание напряженности в мире возможно при любой глобальной конфигурации. В период, начиная с окончания Второй

мировой войны и до «перестройки», СССР и США — центры двуполярного мира — как минимум однажды оказывались на грани прямого ядерного столкновения («прокси-столкновения» с использованием неядерных вооружений происходили неоднократно). Однополярная система обозначила принципиальную враждебность принципу многосторонности в международной политике. Постсоветский период гегемонии Вашингтона сопровождался неуклонным ростом конфликтного потенциала в мире, периодически выливаясь в такие трагедии, как бомбардировка Сербии, кровавые войны на Ближнем Востоке, в Северной Африке и в Афганистане. Позитивный опыт интеграционных процессов, связанный с первыми этапами европейской экономической интеграции, оказался дискредитирован и частично разрушен последующим встраиванием, по сути, колониальных, имперских практик в стратегию внутреннего и внешнего развития Евросоюза, что проложило дорогу к подчинению его политики задачам и интересам НАТО и США как лидера НАТО.

Многополярная система позволит вернуть суверенным государствам возможность выбора, реализовать потенциал всех государств создавать политические, социальные, экономические инновации.

Ценности и культура

Дискуссии о мировом устройстве прошлого, настоящего и будущего часто сосредоточены на таких понятиях, как политические интересы, военные и экономические ресурсы. Тем не менее, как двуполярное, так и однополярное мироустройство имели исключительно мощную идейную, идеологическую, ценностно-культурную составляющие. Представляется, что еще большее значение ценности и культура будут иметь в процессе оформления будущего многополярного миропорядка.

Отчасти это прямое следствие демографических и экономических процессов, отчасти — реакция суверенных государств на предыдущие и текущие действия государств Запада и подконтрольных им корпораций по унификации культурной жизни разных стран. Вслед за существенной долей унификации в области материальной культуры эти процессы обезличивания и разрушения начали затрагивать духовно-культурную жизнь и именно на этом этапе стали восприниматься как экзистенциальная угроза.

Запрос на сохранение цивилизационно культурного многообразия современного мира имеет более глубокий характер, чем просто реакция на внешние вызовы, и ответом на этот запрос может быть только формирование многополярного мира.

Кроме того, вопрос о том, как будут строиться отношения в условиях многополярного мира, не менее важен, чем вопрос о том, какие конкретно государства или объединения государств станут его полюсами в ближайший период.

Новый этап развития международных отношений будет связан с более тесным взаимодействием разных цивилизационно-культурных общностей в силу дальнейшего развития социально-экономических процессов, обычно объединяемых термином «глобализация» и опирающихся на развитие транспортных, информационных, коммуникационных технологий, ведущих к уплотнению контактов между экономиками и расширению миграционных процессов.

Если в прошлом было возможным представлять себе каждый из будущих полюсов, центров как нечто сравнительно однородное в культурном плане, и соответственно, достаточно резко отличающееся от других полюсов, то в настоящее время большинство субъектов международных отношений, государств и объединений государств, которые выступают кандидатами на роль будущих полюсов или выполняют функции

центров притяжения уже сейчас — включают в себя представителей разных культурно-цивилизационных и конфессиональных традиций. В ряде случаев это явление — результат многовековых исторических процессов, объединивших представителей разных национальностей и конфессий, в других случаях — результат недавних миграционных процессов.

Соответственно, межцивилизационное, межкультурное и межконфессиональное взаимодействие в многополярном мире становится не только ключевым фактором международных отношений, но и особым фактором внутренней политики субъектов-полюсов.

Как в международном, так и во внутривнутриполитическом плане многообразие сценариев такого взаимодействия в конечном счете можно свести либо к вектору нарастания конфликтов, либо к вектору налаживания диалога. Идеи конструирования «плавильных котлов» по когда-то разрекламированной американской модели не достигли результата даже в пределах самих США; признания ведущих европейских политиков в провале политики мультикультурализма в Европейском союзе стали хрестоматийными. Эти примеры политического курса, в конечном счете направленного на формирование новой общности без учета исторически сложившихся традиций привели не к переосмыслению ошибок, а к усилению принуждения в «интеграционной» политике ведущих стран Запада. Знаменем этого курса, как для сторонников, так и противников, зачастую выступают меры пропаганды и внедрения тех «ценностей» (псевдоценностей), которые можно определить как антисемейные, антитрадиционные, антиконфессиональные. В такой стране, как Франция, они пропагандистски подаются как продолжение республиканской секулярной традиции, при том, что таковыми не являются. Для Европейского союза требование пропаганды и внедрения подобных псевдоценностей является неременным условием углубления взаимодействия с третьими странами; требуемый масштаб

внедрения увязан со статусом отношений третьих стран с Европейским союзом. В данном случае, по крайней мере отчасти, речь идет о новом издании западной колониальной политики, политики разрушения исторических традиций, при этом перенесенных и во внутривнутриполитическую сферу. Принципиальное отличие от колониальной политики Запада прежних эпох заключается в том, что вместо уничтожаемых исторических традиций колониальными общностями (а в данном случае в их число входят и «старые» граждане, коренные жители западных стран) предлагается, по сути, идейный вакуум.

Подъем движений, выступающих за традиционные ценности, в ряде стран коллективного Запада отражает растущее осознание этого факта гражданами соответствующих стран, однако из этого напрямую не следует, что элитами будет выполнен этот общественный запрос. Новая консервативная волна все еще гораздо больше является фактом общественных настроений, чем фактом государственной политики в США и Евросоюзе, хотя мобилизующая сила социального консерватизма в широком понимании этого термина, безусловно, возрастает. Однако эта мобилизующая сила может остаться прежде всего электорально-политическим фактором, при том, что реальное направление политического курса будет принципиально иным. В чем-то сходным, но на другом политическом фланге американской и европейской политики, являются их кампании XXI века, внешне направленные против культурного и институционального наследия американского и европейского расизма, но фактически способствующие укреплению расистских представлений, углублению культурных и политических расколов, провоцированию новых конфликтов не только в странах ведения кампаний, но и во всем мире.

Наиболее опасный пример попытки заполнения идейно-культурного вакуума имеет место в ряде стран Центральной и Восточной Европы, где при поддержке западных партнеров культурно-ценностные составляющие их советского (социалистического) периода истории были заменены идеями предвоенного и военного периода, то есть периода действий в русле

гитлеровской политики. Первоначально воспринимавшиеся рядом экспертов как явление регионального порядка, явление преходящее по своему характеру, этот преступный с точки зрения истории пересмотр прошлого вышел на принципиально новый уровень в силу консолидированной западной поддержки подобных настроений.

Этот все еще глобально недооцененный фактор наносит наиболее серьезный удар по всей системе ценностей, на которых базировалось и все еще базируется международное право. Вызовы и угрозы, связанные с признанием странами Запада «нормальности» нацистских настроений и симпатий и вытекающей из этого политики, требуют первоочередного внимания в процессе становления многополярного мироустройства.

Более искренний и последовательный подход к защите традиционных ценностей наблюдается в странах, которые все чаще определяют как «глобальное большинство», долгосрочные стратегические интересы которых совпадают или близки видению, отраженному в документах ОДКБ. Это связано прежде всего с тем, что защита традиционных ценностей в данном случае напрямую связана с защитой ценностей государственного суверенитета. Для стран Запада источник навязывания псевдоценностей — их собственные правительства, для большинства других стран в этом качестве выступают внешние силы. Это, возможно, один из самых ярких примеров попыток сторонников однополярного мира как можно дольше сохранить мир таковым, попыток отрицать принципы и ценности равенства, принципы и ценности государственного суверенитета, попыток воссоздать старую колониальную систему — с теми же государствами Европы и Америки во главе — в новом формате.

Именно поэтому в интересах мирового сообщества — приложить все усилия для формирования системы равной и неделимой безопасности,

взаимовыгодного, равноправного сотрудничества и развития. Исторический опыт государств ОДКБ, государств Севера Евразии, в данном контексте является исключительно востребованным. Однако практическая реализация этого опыта в глобальном масштабе будет зависеть, во-первых, от ситуации на постсоветском пространстве, и во-вторых, от развития таких форматов, как формат БРИКС.

Несмотря на определенную дискредитацию понятия «общечеловеческие ценности», у мира нет иной альтернативы, кроме формирования и укрепления набора (комплекса) ценностей — восстановления и обновления системы международного права — способных объединить приверженцев разных культурных традиций, способных создать основу для развития устойчивого и безопасного многополярного мира, ориентированную на диалог и сотрудничество государств и цивилизаций.

Добротной основой для нее может стать инициированная белорусскими экспертами хартия многополярности и многообразия в XXI веке.

Вызовы переходного периода

Перераспределение военно-политического и экономического влияния априори чревато ростом конфликтного потенциала в мире. Это обстоятельство заслуживает особого внимания в связи с тем, что на статус самостоятельных центров претендуют страны с непростым политическим устройством и имеющие неразрешенные внутренние и внешние конфликты. Открытыми остаются принципиальные вопросы, в том числе: как в новых условиях будут развиваться внутривнутриполитические процессы в этих странах, как будут складываться отношения между различными центрами, а также между центрами и соседними с ними странами. Это особенно важно в свете того, что

сторонами накоплены большие арсеналы мощных вооружений и постоянно совершенствуются методы ведения классических и гибридных войн.

Сегодня можно констатировать, что процесс смены формаций проходит весьма непросто и уже ознаменовался резким ростом напряженности в отношениях США и ЕС с одной стороны и Россией, Китаем и Ираном с другой. Все три указанные страны, в той или иной форме, вовлечены в противостояние с государствами Запада. В зоне особого риска оказываются небольшие и средней величины страны, расположенные между центрами, которые, укрепляясь, будут стремиться выстроить барьеры на пути распространения влияния конкурентов. Они все чаще будут сталкиваться с проявлениями политического прозелитизма — попытками более крупных игроков «переманить» их под свой флаг.

Помимо этого, возникшими лакунами в области международной безопасности стремятся воспользоваться различные деструктивные объединения — экстремистские, преступные группировки, перед которыми несогласованность действий государств и международных институтов открывает дополнительные возможности. Они и далее будут создавать целый комплекс вызовов и угроз для государств евразийского региона — от незаконного оборота наркотиков до вооруженных вторжений. Фактически, не были успешными все попытки нейтрализовать риски, исходящие с территории Афганистана. Еще недавно основной опасностью для мира и стабильности на Среднем Востоке считалось движение «Талибан». Однако сейчас на севере страны закрепились террористические группировки, представляющие для соседей неизмеримо большую опасность. Ряд государств взял курс на взаимодействие с талибами, в то же время, позиции радикалов в стране продолжают оставаться весьма значительными. Более того, последние события демонстрируют их способность совершать преступления далеко от мест базирования.

Также следует учитывать, что действующая международно-правовая база ориентирована на прежние политические реалии и стремительно устаревает.

Сегодня мало кто в мире оспаривает необходимость «перезапуска» глобальных институтов, который подразумевает задачи, связанные с согласованием новых принципов взаимодействия. Однако в текущих условиях шансы такой инициативы на успех крайне малы в связи с тем, что взгляды крупных акторов по многим актуальным вопросам значительно расходятся.

В современном мире есть примеры новых успешных объединений с участием держав, оказывающих серьезное глобальное влияние (в первую очередь, ШОС и БРИКС). Опыт их функционирования можно рассматривать как модель взаимодействия в формирующемся мире, которая представляется весьма многообещающей. Вместе с тем, этим объединениям еще предстоит набрать большую силу и динамику, и полное раскрытие их потенциала — вопрос будущего, скорее всего, недалекого.

В любом случае, создание новой, отвечающей реалиям времени международно-правовой системы, будет означать необходимость по многим вопросам договариваться практически «с нуля», поэтому уровень стабильности в мире будет в большой мере зависеть от готовности сторон к конструктивному диалогу.

Перспективы евразийских политических процессов в контексте формирования многополярного мира

Как было отмечено, происходящие сегодня геополитические процессы сложны и многофакторны, а в ряде случаев, противоречивы. Их исход зачастую сложно спрогнозировать, и на сегодняшний день остается много открытых вопросов. В частности, в контексте евразийской тематики нет полной ясности относительно того, каким будет вклад таких ключевых региональных структур, как ОДКБ и ЕАЭС, в формирование многополярного мироустройства.

Оценивая перспективы развития происходящих процессов в евразийском регионе, следует иметь в виду, что ОДКБ и ЕАЭС — это основанные на военно-политических и экономических реалиях, гибкие форматы взаимодействия государств-участников. Принцип консенсуса остается основой функционирования организаций и сомнению никогда не подвергался. За время существования в их рамках совместными усилиями были созданы наработки, которые можно характеризовать как «работающие» механизмы координации усилий и совместной защиты целого спектра интересов входящих в них стран, причем в будущем потребность в них будет возрастать.

Значение эффективного и надежного партнерства не нуждается в оценке, это и так очевидно. В сегодняшнем турбулентном мире такое партнерство может рассматриваться как одно из необходимых условий устойчивого развития государств. При формировании и для дальнейшего успешного функционирования жизнестойких региональных структур важнейшим фактором служит географический (он может означать более удобную логистику, общность традиций и ценностей, часто, возможность общаться на одном языке, наличие социальных связей и т.д.). В этом смысле географическая и ментальная близость стран является неоспоримым аргументом в пользу дальнейшего сближения.

Страны-союзницы различны по своему политическому устройству и географическому положению. По-разному складывается их диалог, тем не менее совокупно они образуют объединение, способное проводить скоординированную политику и эффективно защищать коллективные интересы. Например, Беларусь, расположенная между Россией, Украиной и странами ЕС, неоднократно подтверждала свой геополитический выбор, поддерживая Москву. В сочетании с нахождением в Союзном государстве это означает четкую ориентацию на сохранение и развитие союзнических отношений с Россией.

В силу известных обстоятельств Армения объявила о «замораживании» участия в ОДКБ (при этом руководство Республики делает акцент на продолжении участия в ЕАЭС) и предпринимает усилия для сближения с другими глобальными центрами силы. Однако анализ деятельности Вашингтона и Брюсселя на постсоветском пространстве ясно показывает, что ожидания от взаимодействия с ними, как правило, оказываются сильно завышенными. По этой причине достаточно высока вероятность того, что Ереван со временем пересмотрит принятое решение. В любом случае, Россия останется важным участником процессов на Южном Кавказе.

В центральноазиатском регионе наиболее активно в евразийских процессах участвуют Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Отношения этих стран с Россией развиваются весьма конструктивно. При этом, в контексте обсуждаемой темы важно учитывать близость и возможности Китая, а также (хотя и в меньшей степени) Ирана и Турции. Как уже было отмечено, основной угрозой безопасности в регионе остается территория Афганистана, с которой в Центральную Азию направляются наркотики, проникают боевики и вербовщики местных жителей в экстремистские группировки. В силу этого принципиальную важность обретают меры, способные обеспечить надежную защиту стран региона от этих вызовов. В этой связи особого внимания заслуживает разработанная в формате ОДКБ Целевая межгосударственная программа по укреплению таджикско-афганской границы.

Все большее число экономистов утверждает, что геоэкономический потенциал Центральной Азии задействуется не в полную силу и, в целом, значительно недооценен. Основная проблема заключается в том, что регион не имеет выхода к Мировому океану и не располагает развитой транспортной инфраструктурой. Расширение взаимодействия с Москвой для стран региона будет представлять реальные и ощутимые перспективы участия в качестве важнейших партнеров в будущих стратегических торгово-транспортных

коммуникациях — восток-запад (Китай-Европа) и север-юг (Россия-регион Индийского океана).

Имея в виду перспективы укрепления стран региона, входящих в партнерские структуры в качестве влиятельных составных одного из формирующихся центров глобального влияния, важно учитывать, что Россия, Беларусь, страны Центральной Азии и Южного Кавказа традиционно были связаны друг с другом. Тем не менее, говоря об исторических связях, важно избегать концентрации лишь на прошлом и видеть факторы, которые будут способствовать укреплению взаимовыгодного сотрудничества между странами в перспективе.

Безусловно, работа в партнерстве предполагает для России и ее союзников дополнительные возможности. Имея общее население около 200 млн человек и совокупную территорию более 20 млн кв. км, сторонам будет проще продвигать собственные интересы на мировом треке. Также сотрудничество в масштабных проектах с участием России предполагает наличие для союзников надежного «ядерного зонтика», доступ к рынкам рабочей силы, капиталов, товаров, возможность жить и работать на огромных территориях без излишних административных и таможенных процедур.

В рамках действующих в евразийском регионе многосторонних структур проработаны вопросы взаимодействия практически во всех сферах межгосударственных отношений. Налажен механизм регулярных политических консультаций по всему спектру международно-политических вопросов, на плановой основе проводятся совместные учения вооруженных сил и органов правопорядка, поддерживается высокий уровень военно-технического сотрудничества, созданы условия для взаимодействия в экономической и научной сферах. Не ставится задача стать противовесом какой-либо организации или стране, а факт формирования единого военно-политического и экономического пространства не противоречит идее активного сотрудничества с другими центрами силы.

В период складывания новой глобальной архитектуры, предполагающей изменение схемы перераспределения ресурсов и влияния, особую важность для государств обретают задачи, связанные с сохранением безопасности, стабильности, а также экономического развития. Один из способов добиться этого — быть частью эффективной системы, позволяющей решать эти вопросы в коллективном формате.

Новые технологии в многополярном мире, их влияние на социальные трансформации и рынок труда

Технологии в современном мире становятся все более мощной производительной силой, иногда коренным образом изменяя не только характер производства и труда, потребления и образа жизни, но и, порой, самосознание и менталитет широких слоев общества различных стран.

Основная черта современной мировой экономики (в широком смысле) состоит том, что мир все более погружается в важнейший технологический «фазовый переход». Технологические инновации все чаще предшествуют организационным решениям и социальным инновациям. Технологии становятся социальным организатором, и это порождает ряд возможностей и опасностей, которые надо увидеть и преодолеть.

На наших глазах формируется новая финансовая система, в которой роль привычных национальных фиатных денег будет снижаться, а роль так называемых криптовалют расти. Пока не ясно, какие вызовы предстоит преодолеть при переходе к децентрализованным финансовым системам, сколько их может быть и как они будут взаимодействовать с государственными институтами и традиционными банками.

Появление (де факто) транснациональных децентрализованных денежных (платежных) систем ставит целый ряд вопросов. Какова будет финансовая роль государств? Нужны ли будут банки в привычном виде? Кто будет гарантировать исполнение договоров? Кто обеспечит

в децентрализованных системах вне государственных юрисдикций защиту вкладчиков и кредиторов?

Все четче вырисовывается цивилизационно-ценностный фактор в платформах искусственного интеллекта (ИИ). Сегодня можно предвидеть появление «национализированных» ИИ: американского, китайского, российского, индийского и так далее, воплощающих культурно-ценностные установки разных цивилизаций и обществ.

Без сомнения, у них будет много общего, но и немало различий в отношении культурно-ценностных и геополитических вопросов, будут предлагаться различные управленческие решения. Что даст эта диверсификация и конкурентное разнообразие человечеству в целом, и как это будет влиять на общество, экономику, политику и жизнь конкретного человека — пока не ясно, однако платформы ИИ вполне могут стать одним из проявлений и инструментов многополярности без привязки к страновым юрисдикциям.

«Дело Дурова», расширение числа пользователей криптовалют, ход избирательной кампании в США в части дискуссии о биткойнах и иных криптовалютах показывают появление новой, «технологической», стратификации и нового типа расслоения общества.

Исходя из гуманистической, человекоцентричной позиции, свойственной социально-консервативному (общественно-охранительному) подходу, необходимо отметить ускорение темпов обозначенного выше «фазового перехода» в социальном устройстве ведущих экономических держав мира.

Экспоненциальное нарастание скорости технологических перемен в мировой экономике предполагает формирование новой геополитической схемы, пересмотр политэкономических моделей, переосмысление «образа будущего», актуальных вызовов и задач, зарождающихся новых сообществ.

В рамках развития полицентричности возникает понимание, что многополярный мир — это не только сопоставимая мощь и влияние нескольких военно-политических центров, но и сильные внегосударственные глобальные сообщества. Необходимо научиться выделять и различать эти сообщества, эффективно с ними работать, поддерживая ориентированные на сохранение и дальнейшее развитие человечества.

Следует уделить особое внимание усиливающимся децентрализованным сообществам новой экономики (New Economy Communities), а именно:

- «технологическим» сообществам — например, сторонникам различных версий и платформ искусственного интеллекта;
- криптосообществам (пользователям криптовалют и децентрализованных финансов);
- децентрализованным природоохранным сообществам, которые могут оказаться неожиданно мощными и влиятельными;
- иным значимым в глобальном аспекте сообществам, которые могут приобрести существенное политическое влияние, не имея институциональных структур в национальных юрисдикциях (в том числе сообществам, ориентированным на противодействие размыванию традиционных ценностей). Отметим, что скорость возникновения и усиления подобных сообществ может оказаться беспрецедентной в условиях растущей популярности децентрализованных медиа и соцсетей, их все более успешной конкуренции с традиционными СМИ.

Стоит особо выделить ИИ-сегментацию и ее влияние на труд и занятость. Вместе с автоматизацией и роботизацией, будет наращиваться влияние систем ИИ на массовый менталитет, характер принимаемых решений и, в результате, на глобальную экономику.

Влияние ИИ на занятость и безработицу, потребительское поведение, производительность труда, качество рабочих мест,

компетенции и качество труда будет, вероятно, нарастать в геометрической прогрессии.

Этот вопрос тесно связан также с влиянием платформ децентрализованных негосударственных финансов (DeFi), основанных на блокчейне и криптовалютах, на экономику и общество. «Финансовая роботизация» также будет усиливаться. Выработка ответов на эти вызовы, многие из которых носят комплексный характер, необычайно важна в условиях вызревания нового глобального экономико-политического кризиса, связанного с растущей задолженностью государств и домохозяйств «золотого миллиарда», формированием «фондовых пузырей». Глобальная задача состоит в том, чтобы не дать вновь одним финансово-политическим центрам переложить свои проблемы на других, используя различные механизмы давления, в том числе технологические.

Говоря о новых технологиях и основанных на них организационных решениях, нельзя обойти вопросы «юберизации», аутсорсинга и связанной с ними трудовой миграции, а также их результат — глобальное размывание среднего класса, охватившее в том числе и страны «золотого миллиарда».

Гуманитарные последствия внедрения новых технологий состоят в формировании и быстром росте (в глобальном, национальном и территориальном измерениях) одних сообществ (крипто-пользователи, многопрофильные фрилансеры, пользователи ИИ, «новые люмпены» и пр.) и быстром сжатии других сообществ (мировой и «национальный» средний класс, традиционное крестьянство). Для политического класса важно просчитать сценарии перемен, чтобы не допустить перекосов на рынке труда, понижения качества жизни граждан, утраты глобальной конкурентоспособности и обеспечивающего ее человеческого и ресурсного потенциала.

Финансовый суверенитет как фактор многополярного мира

Высокие технологии становятся все более важным глобальным экономико-политическим, финансовым и даже культурным фактором. Однако традиционные отрасли промышленности, сельское хозяйство и традиционные финансы пока остаются в основе мирового хозяйства и потребительского рынка. «Реальный сектор» продолжает иметь первостепенное значение, поскольку обеспечивает базовые потребности обществ всех экономических укладов. Не будет преувеличением сказать, что в «реальном секторе» экономическая многополярность уже достигнута, но нуждается в укреплении и усилении в виде новой индустриализации в традиционных отраслях.

Начало активной фазы социально-экономической и политической трансформации в мире пришлось на этап, когда страны «G7» накопили достаточный потенциал (с окончания Второй мировой войны обеспеченный благополучием США), чтобы обеспечить своих граждан стандартами жизни развитых экономик. На современном этапе это привело к определенным решениям, основой которых стали политические соображения. Примером этого являются попытка отказа европейских государств от привлекательных по цене российских энергоресурсов, уход западных брендов с российского рынка после событий 2022 года, когда потери европейских компаний составили, по оценкам аналитиков, примерно 100 млрд. евро.

Беспрецедентные санкции в отношении России со стороны коллективного Запада, нарушения норм международного права: блокировка счетов, отъем собственности и финансовых активов, преследование бизнесменов, финансистов, руководителей государственных институтов, — стимулируют страны БРИКС, ориентированные на построение многополярного мира, к организации защитных механизмов, одним из

которых становится дедолларизация международных расчетов и защита финансовых систем заинтересованных государств, которые к ней стремятся.

Страны реального сектора

Будущий финансовый суверенитет стран БРИКС, а в перспективе и БРИКС+, обеспечен логикой развития их экономик. Сегодня можно говорить о практически 30% мирового ВВП, причем в области реального сектора, как об основной составляющей стабильного роста. Сегодня страны БРИКС (основная роль здесь принадлежит Китаю) являются также источником резкого инновационного прорыва в современное технологическое мировое пространство.

Таким образом, можно говорить не только о промышленном, но, что самое главное, о технологическом суверенитете «стран реального сектора». Это дает все основания ставить вопрос о суверенном финансовом обеспечении экономик стран БРИКС, который будет основан на расчетах в национальных валютах, что, в свою очередь, позволит существенно снизить потенциальные риски долларовых расчетов, обусловленных, прежде всего, наличием колоссального госдолга США и растущей долларовой массы как резервной валюты для многих стран. Стабильность американской денежной единицы основана на американской экономике как самой крупной экономике мира. И тем не менее, следует отметить, что американский ВВП в основном формируется из экспорта услуг (до 77%), а растущий ВВП стран БРИКС (в перспективе до 35% мирового ВВП) формируется на основе роста реального сектора.

Позиции промышленно-технологического суверенитета

Рост производства автомобилей в БРИКС растет опережающими темпами по сравнению со странами «семерки». Китай производит до 30 млн автомобилей в год. Производство в Индии и Бразилии достигает примерно 5,5 млн и 1,5 млн автомашин в годовом исчислении. ЮАР располагает

20 предприятиями по сборке автомобилей и производству запчастей и различных компонентов. В России ситуация особая: санкции 2022 года практически заморозили автопроизводство, ориентированное на выпуск зарубежных брендов, но кооперация в рамках БРИКС позволяет постепенно выправлять положение.

Роль агропроизводства и минеральных удобрений в странах Содружества отметили эксперты ПМЭФ-2024: страны обеспечивают более 40% мирового производства зерна и 40% минеральных удобрений, что позволяет сделать вывод о ключевой роли БРИКС в обеспечении мировой продовольственной безопасности.

В отношении IT-сектора страны БРИКС показывают разный уровень разработок. Лидерами можно назвать Индию и Китай. Еще с конца 1990-х годов Индия показывала активный рост в области цифровых решений. Министр одного из штатов (одно из первых представительств Microsoft в АТР было открыто в Индии) говорил в 1999 году, что предпочтет покупать компьютеры, а не вкладывать все в продовольствие, так как «его на всех не хватит, а компьютеры — это шанс, причем для многих».

На рубеже нулевых индийские разработчики уже работали над созданием суперкомпьютера и рассчитывали платформу воздушных судов пятого поколения. В настоящее время спрос на индийских IT-специалистов, по данным международных институтов, растет во всем мире сверхвысокими темпами. Что касается китайского рынка IT-технологий, то его краткая характеристика может быть выражена в экономических показателях: в минувшем году его объем превысил 1,7 трлн долларов (рост приблизился к 15%), каждую неделю в КНР фиксируют появление нового стартапа на сумму примерно 1 млрд долларов. Неоднородность стран БРИКС в цифровой сфере способствует внедрению китайских и индийских разработок на развивающихся рынках. Россия, которая в последние несколько лет активно возрождает машиностроительный сектор, приняла стратегию цифрового

развития, рассчитывая на более чем двукратный рост к 2030 году.

Рынок высокотехнологичного медицинского оборудования в странах БРИКС, основанный ранее на аналогах западных роботизированных медицинских систем, сегодня уже обеспечивается собственными разработками мирового уровня. В Китае и Индии созданы высокотехнологичные роботы «да Винчи», комплексы для уникальных медицинских операций. Можно отметить, что практически все значимые высокотехнологичные медицинские аппараты и роботизированные системы мирового уровня созданы специалистами Индии и КНР.

Особая роль отводится энергетическому сектору. Данные развития наглядно представлены в таблицах, опубликованных ведущей мировой аналитической компании КЕРТ. Эксперты отмечают, что номинальный ВВП БРИКС достигает 29 трлн долларов и 43% от мировых показателей, товарооборот — 24 трлн долларов и 20%, выработка электроэнергии 13 033 млрд кВт·ч и 46%, установленная мощность электростанций 3 692 ГВт и 46%, потребление электроэнергии 11 260 млрд кВт·ч и 43% соответственно, население насчитывает 3,6 млрд человек и 46% от населения планеты.

На сегодня Россия является одним из основных доноров на рынке энергетики. Растущее производство и потребление в системе БРИКС доказывает серьезные перспективы развития реального сектора.

В целом, рост экономики реального сектора и растущий товарооборот внутри системы БРИКС показывает необходимость финансовой защиты для стран, которые могут подвергнуться рискам как со стороны стран «G7», через введение различных «климатических» ограничений и эскалацию санкций, так и со стороны объективных рыночных колебаний курсов основных мировых валют.

Адепты глобального либерализма, ориентированные на доминанту экономик США и стран «семерки», могут

оперировать аргументами о невысоком в сравнении с мировым объеме рынка внутри БРИКС. В свою очередь, сторонники многополярного мира будут приводить данные, свидетельствующие об опережающем росте реального сектора этих стран, что на сегодня выглядит более объективно с точки зрения будущих перспектив мировой конъюнктуры.

Расчеты в национальных валютах. Цифровой рубль

Противодействуя санкционной войне, Россия стала одним из инициаторов расчетов в национальных валютах. В результате рубль становится важнейшим платежным средством во внешней торговле. По данным Минэкономики России, в экспорте доля национальных валют дружественных стран показывает активный рост. В 2022 году — 15%, в 2023 году — 72%. В импорте — 33% и 69% соответственно. Доля рубля в экспортных расчетах выросла до 40% к 2023 году (до 2022 года эта доля составляла менее 15%).

Товарооборот России с государствами-членами ЕАЭС растет высокими темпами (только за первую половину минувшего года рост составил 14%). «Доля национальных валют в торговле между странами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) превысила 90%», — отметил Президент России В.В. Путин в декабре 2023 года.

Для повышения эффективности расчетов в национальных валютах будет использоваться цифровой рубль, который называют «третьей формой денег» (наличные, безналичные, цифровые) и представляет собой цифровой код на платформе Центрального банка. Следует отметить, что все три имеющиеся формы в мире жестко контролируются национальными банками-регуляторами, эмиссионными центрами государств коллективного Запада.

По оценкам Председателя комитета Госдумы по финансовому рынку А.Г. Аксакова, использование цифрового рубля начнется уже в 2025 году. Это даст возможность осуществлять платежи без комиссий

для граждан, а для государства — повысить прозрачность контроля, так как цифровой рубль может иметь «целевое назначение», и это позволяет жестко фиксировать платежи целевого назначения, например, при осуществлении госконтрактов.

Риски цифрового рубля в сознании будущих держателей сформированы, в основном, излишними опасениями в области возможностей полного контроля над доходами и тратами. Но, по мнению аналитиков, это лишено основания: государство, используя цифровые решения, способно эффективно контролировать приход и расход на банковские счета денежных средств во всех формах. Что касается государственных и межгосударственных расчетов, контроль полностью соответствует интересам государства.

Валюта БРИКС как одна из главных основ финансового суверенитета

Обсуждаемое намерение стран R5 (термин основан на использовании валют: rouble, rupee, renminbi (юань), real, rand) создать «валюту БРИКС» предусматривает введение финансовой единицы на основе расчета корзины национальных валют (не создание эмиссионных центров). Подобные аналоги уже действовали (ЭКЮ в международных расчетах). В валютной корзине БРИКС основным является отсутствие таких мировых валют, как доллар и евро, и их влияния на валютный курс.

Одной из ключевых проблем в формировании независимых финансовых расчетов в Содружестве является относительно невысокий объем торговли внутри Содружества. Поэтому, созданный «Банк БРИКС» или «Новый Банк Развития» (с изначальным капиталом на уровне 100 млрд долларов и готовый к эмиссии собственных ценных бумаг), ориентированный на поддержку инфраструктурных проектов и устойчивого развития, становится в настоящее время зависимым от международных санкций. Этим, собственно, объясняется осторожность во взаимоотношениях со структурами РФ. По существу, это очередная попытка стран коллективного Запада остановить поступательное развитие стран БРИКС несмотря на то, что объемы их

внутриторговых оборотов в мировом масштабе пока кажутся незначительными. Главное то, что это оборот стран реального сектора мировой экономики.

Дальнейшее становление финансовой независимости стран БРИКС будет зависеть от успехов взаимной кооперации и предложений продукции, востребованной как внутри БРИКС, так и на мировом рынке.

Развитие взаимовыгодных экономических и, что более важно, технологических проектов России, Китая и Индии — это и есть тот фактор конкурентоспособности, который скажется на положении сегодняшних и будущих участников БРИКС, всех сторонников многополярного мира.

Элиты в условиях перехода к многополярному мироустройству

Проблематика современного состояния элит, в первую очередь, связана с фундаментальными изменениями, переживаемыми обществом разных стран — процессами перехода к постиндустриальному или информационному обществу. Этот переход сопряжен с ростом динамики изменений в различных сферах жизнедеятельности граждан, эскалацией конфликтов, появлением новых угроз безопасности, трансформацией системы международных отношений.

Пассионарность, интеллект, деятельное участие в социальной жизни, движение к цели становятся важнейшими качествами в условиях перемен. Несомненно, в действующих элитах должны быть представлены носители этих качеств в полной мере. От элит требуется быть способными сформировать адекватный ответ на вызовы современной эпохи, выработать стратегические решения и обеспечить их передачу как на уровень власти, так и на уровень общества.

Превалирование технократического подхода или менеджеральных практик в управлении и политике, широко применяемые в разных странах, сегодня становятся ограничителем развития. Кроме того, профессионализм

сам по себе уже не рассматривается как достаточное условие. Для элиты требуется обладание не только профессиональными, но и нравственными качествами.

Переживаемые обществом изменения затрагивают ценностное измерение. Складывающиеся ценности новой эпохи требуют времени на осмысление и проверку на соответствие традиционным ценностям, исторически сложившимися и имеющими определенные особенности у каждой цивилизации. Нравственное измерение общественных отношений, отношений власти и общества, элит в целом сегодня приобретает особую остроту и актуальность.

Манипулирование общественным сознанием, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта, сосуществование реальности с «fake news», создание параллельных картин мира и трактовок происходящих событий, распространение мифов, мнимых угроз и фобий, носящих как краткосрочный событийный, так и долгосрочный стратегический характер (например, русофобия, исламофобия) фактически вытеснили из международной политической повестки стратегические вопросы будущего народов, населяющих нашу планету.

То, что подобные технологии вошли в обиход, свидетельствует о неспособности международных элит в настоящий момент осуществлять важнейшую функцию по формированию стратегического видения развития современного общества.

Данное обстоятельство, во многом, стало следствием процессов глобализации, приведших к становлению глобальной технократии.